

Сумской государственной педагогической
университет имени А.С. Макаренко

О «ФИЛОСОФИИ ДЛЯ ДЕТЕЙ» И ВЗРОСЛЫХ

Высказывается сомнение относительно целесообразности культивирования «критического мышления» у детей средствами философии и тотальной их способности к философской рефлексии, каковой часто недостает и «Das Man» – «усредненному человеку». Показывается, что философия как искусство познания – это прерогатива «склонных к теории», к «свободной мысли», за что они спорадически преследуются властями светскими и церковными. Обосновывается положение о том, что философ и художник генерируют оценочное и личностное отношение к миру, что философия близка к искусству, что философское творчество, как и художественное творчество, – это всегда высказывание личностное.

Ключевые слова: «философия для детей», критическое мышление, «усредненный человек», «склонные к теории», «свободная мысль», философ, художник, творчество.

Постановка проблемы. По итогам Международной научно–практической конференции «философия детям» (Москва, 2005 г.) была принята резолюция, в которой, в частности, признается, что занятия философией способствуют улучшению качества мышления, росту его креативности, личностному росту, повышению языкового и ментального уровня; воспитанию культуры диалога, толерантности, моральной ответственности; самостоятельности принятия решений; профилактике деструктивного поведения; развитию гражданского сознания и др. Однако эта Резолюция еще не «продвинулась» до формирования у детей «критического мышления», которое несколько озадачивает своим присутствием в аналитическом обзоре XXIII всемирного философского Конгресса в Афинах в 2013 году, в проекте «Новая школа Украины» и в нескольких статьях.

Детям, как нам представляется, свойственно уважать старших, любить животных, цветы, радоваться морю, солнечным восходам и закатам без всякой при этом критической мысли («рефлексии») о сих предметах. И вряд ли мы захотим видеть детей, которые нашими философско-педагогическими стараниями, обогатив свое сознание «критическим мышлением», будут «способными изменять окружающий мир», который вряд ли жаждет быть измененным. Не только изменять, но и корить весь мир за его безумие и бездушие, – сошлемся на Г. Гессе, – на это не имеет права никто из людей. Да и по силам ли детям «критический разум, который противостоит доктринальному мышлению».

Будем надеяться, что детям всегда будет доставать благоговения к своим близким, чтобы не искать, уподобившись юным ворчливым «критически мыслящим» старичкам, как улучшить папу и маму, дедушку и бабушку, кошку и собаку, березу за окном и само солнце. От критического мышления невелик мост к практицизму, умению разбираться в жизненных делах, что, как нам представляется, не украшает юного человека. Укрепимся в этой мысли ссылкой на А. Шопенгауэра: «В молодом человеке дурным признаком относительно его интеллектуальных, а также моральных качеств служит, если он очень рано умеет *ориентироваться* в людских действиях и стремлениях, тотчас чувствует себя здесь в своей стихии и принимает в них участие, как бы заранее к ним подготовленный; признак этот указывает на пошлость. Напротив, странное, растерянное, неловкое и совсем ненадлежащее поведение отмечает в этом отношении натуру более благородного сорта» [9, с. 233].

«Критическое мышление», которое видится некоторыми авторами телеологичным для детского мировоззрения – это, по-видимому, далеко не лучший денотат для детского сознания, не вступившего во взрослую жизнь. Да и зрелые люди, все критикующие, симпатии у нас не вызывают. Более адекватны для философского слуха концепты «теоретическое мышление», «свободное мышление», «рефлексивный человек» (человек, размышляющий в сомнениях) – как предикаты потенциального взрослого философствования некоторых сегодняшних детей. Но предикаты эти теснит в иных статьях «критическое мышление», суггестивное своей многократной номинацией.

Анализ актуальных исследований. Безосновательным представляется также прельщение тотальной способностью детей к философскому мышлению, которая есть прерогатива человека взрослого и тоже далеко не каждого. Оно не для «Das Man» – «усредненного человека», по М. Хайдеггеру. Такой человек самоуверен, его трудно чем-либо удивить. Он все знает, всех поучает, не ведая ни сомнений, ни боязни ошибиться. Хайдеггеровский «Das Man» – это именно «средний» человек, который полностью разделяет некую «усредненную» мораль своего круга и своей эпохи. Он глубоко убежден, что все люди в глубине души думают как он, ценят то же, что и он, стремятся к тому же, что и он. А кто думает иначе – тот либо ненормальный, либо мошенник, скрывающий свои истинные мысли из какого-то корыстного расчета. Естественно, что философия, в смысле стремления к поиску собственного ответа на вопросы о цели и ценности человеческой жизни, для такого человека либо не существует вовсе, либо представляется праздным мудрствованием на пустом месте [2, с. 45–46].

Цель статьи – провести критический анализ проблемы философии для детей и взрослых.

Изложение основного материала. Однако для «склонных к теории», в вещах, на первый взгляд известных, при философском осмыслении,

прозрени, інтуїціях розкриваються несподівані глибини. І поетому прав Н.А. Бердяєв, відзначаючи в «Смысле творчества», що філософія – це *искусство познания* (курсив наш. – В.К.), искусство, потому что она предполагает особую склонность и способность к этому виду деятельности, каковая была, например, у древнегреческих философов с их страстью к созерцанию мирового целого, единства всего сущего.

Уместно ли считать, что такой склонностью и страстью могут проникнуться некоторые, пусть даже «эксклюзивные» дети, равно как и многие взрослые. Научить всех детей и взрослых философии как «особой форме рефлексивного вопрошания» вряд ли возможно, как невозможно научить быть поэтом. Не всем дано «припадать на три часа к симфонической музыке философского мышления» (Г. Гачев). (По древнеиндийским представлениям философия – это утонченное чувственное удовольствие). Любя сущее, философ создает некие мыслительные миры, подобно тому, как художник создает изобразительные миры (М.Н. Эпштейн). Оба они генерируют оценочное, личностное отношение к миру с позиций идеалов. Философ эксплицирует свое личностное мировоззрение, и потому философия близка искусству, в ней проявляются различные темпераменты и субъективистские установки мыслителей (У. Джеймс). Никто не напишет второй раз «Диалогов Платона», «Творческой эволюции» Бергсона», «Трех разговоров» Беркли, или «Науку логики» Гегеля [4, с. 323–324].

Специфическая особенность философии как особой формы человеческого сознания заключается в том, пишет Л.Н. Столович, что она «располагается» между двумя полюсами таких видов человеческой деятельности, как познавательная и ценностно-ориентационная. Занимая промежуточное положение между объективным познанием и субъективно-оценочной деятельностью, философия не безлична, как результаты научных открытий. Философская система, как и художественное произведение, выражает индивидуальность ее творца. Поэтому первоначальная типология философских направлений определяется именами философов – основоположников тех или иных направлений: платонизм, аристотелизм, эпикуреизм, томизм, картезианство, спинозизм, кантианство, шеллингианство, гегельянство, марксизм и т.п. [6, с. 46].

Философское творчество, как и художественное творчество – это всегда высказывание личностное, высказывание эмоциональное. Рациовиталист Х. Ортега-и-Гассет доводит до логического конца критику чистого разума, начатую И. Кантом: разум не есть только мышление, он всегда эмоционален, всегда мотивируется конкретными обстоятельствами [5, с. 79]. «Без эмоциональности невозможна и рациональность» (Г. Бёлль). Более того, рациональность может уступать эмоциональности. «Редко кто из мудрецов, высказывавших глубочайшие истины, оставался всегда в жизни на их высоте.

Мешал не только недостаток воли, мешали не только человеческие слабости, но мешало и нечто более глубокое, лежащее в основе человеческой природы» [8], потому что, находим на это ответ у Ф.М. Достоевского, человек делает не то, что надо, а то, что хочет.

Поэтому, считает Р. Рорти, философы нашего времени «могут передоверить большинство своих забот литературе, различным видам искусства и в особенности роману» [7, с. 67]. Никто не откажет в философичности Ф. Достоевскому, Ф. Кафке, А. Камю, В. Набокову. Философии следует освободиться от самоиллюзии, свойственной традиции, идущей от Платона через Декарта, Канта к позитивистам, будто она способна на знание чего-то, что дано только ей и никому более. Философия может быть вполне жизнеспособной и процветающей областью культуры, если без гносеологических претензий будет работать как «жанр литературы» или «литературной критики», то есть не скованного жесткими академическими канонами, который пользуется метафорически-поэтическим языком повествования. (Свою версию «прагматизма» Рорти представляет не как «теорию», «концепцию», а как «поэтический нарратив»).

В поэтико-эстетическом образе философии, пишет Н. Юлина, можно усмотреть возвращение к истокам, к тому, чем изначально была американская традиция. Ее создатели – Джонатан Эдвардс, Ральф Эмерсон, Уолт Уитмен, Уильям Джеймс – скорее были философскими поэтами, рисовавшими мир эстетически и предлагавшими многообразие поэтико-метафорических картин реальности. Альфред Уайтхед, приехавший в Америку, воспринял и развил традицию эстетического плюрализма. И даже Джон Дьюи в его зрелом и проникновенном труде «Искусство как опыт» пошел по этому же пути. Самым талантливым представителем поэтически-философских традиций был Джордж Сантаяна [7, с. 165]. Есть множество пограничных случаев, множество книг, которые можно назвать литературными, а можно и философскими. В различении между философией и литературой по-настоящему нуждаются только библиотекари и чиновники от образования [7, с. 149].

По мнению Р. Рорти именно литература более продуктивна в содействии моральным, политическим и социальным реформам, чем традиционная метафизика, веками пытавшаяся решить эти проблемы путем поиска общих неизменных оснований. И коль скоро философское творчество всегда личностное, то философия должна отказаться от эссенциалистических претензий, а философам следует рассматривать свою деятельность как метафорическую и поэтическую, то есть как не имеющую когнитивных функций и теоретической значимости [7, с. 92]. Впрочем, всегда были философы, замечает Р. Рорти, которые надеялись быть общественно полезными, – как Кант, Милль, Маркс, Дьюи и Роулс; но всегда были философы, подобные Кьеркегору и Ницше, которых не интересовала общественная польза [7, с. 118].

«Философской литературе» присущ синкретизм как сочетание научной строгости с художественностью и философичностью. Для этого требуются широта кругозора, пластичность мышления. Поэтический ряд содержат философские произведения Платона, Августина Блаженного, «Закат Европы» О. Шпенглера, «Рождение трагедии из духа музыки» Ф. Ницше, «Диалектика просвещения» Хоркхаймера и Адорно, «Бегство от свободы» Э. Фромма, «Философия новой музыки» Адорно, «Эрос и цивилизация» и «Одномерный человек» Г. Маркузе. Образность и аналитичность здесь носят характер эстетический, определяемый личностью творца. Этим объясняется разнообразие философских учений. Философ, в отличие от естественника, определяет фундаментальные основания своего исследования произвольно и в этом отношении он подобен художнику, который так же сам выбирает основания своей деятельности. В этом отношении правы те, кто не считает философию наукой: ведь основания философского исследования определяются субъективно. Но, произвольно выбрав основоположения субъективного исследования, философ берет на себя обязательство построить на их фундаменте консистентную систему, то есть систему связную, последовательную, строгую. Здесь правы и те, кто утверждает, что философия наука. Таким образом, считает Б.И. Липский, философия одновременно и наука, и не наука [2, с. 51].

Философия, как известно, зародилась и развивалась как артефакт многовекового процесса преодоления диктата авторитарного сознания (тотемного, мифологического, религиозного и др.) [3, с. 10]. Она не для «усредненного», конформистского разума. Философия возникает, когда личность начинает сомневаться в истинности верований общества, к которому она принадлежит. Авторитет в мифологии или в религии, имевший силу «решающего аргумента», в философии уже не видится таковым. Как бы ни был авторитетен говорящий, в философии от него всегда можно потребовать объяснения своих положений. Характерное для философии сомнение в абсолютной непогрешимости авторитета, стремление убедиться в его истинности для многих философов стали причиной неприязни и преследований не только со стороны властей, но и со стороны «усредненной массы» [2, с. 46]. Философия – это интеллектуальная игра, считает «усредненная масса», игра, находящаяся по ту сторону ее обыденного ума, и потому, с позиции ее «здравого смысла», ненужная.

Преследования философии и философов со стороны властей светских и церковных имеют давнюю традицию. Приведем несколько примеров. Анаксагор получил смертный приговор за столкновение философского разума с религиозной верой, спасся бегством из Афин. Протагор был осужден на смертную казнь за книгу «О богах», бежал из Афин, его книга была публично сожжена. Ценою своей жизни заплатил за свободомыслие Сократ. В 529 г. император Юстиниан закрыл Академию, основанную Платоном. За

вольномыслие сожжен на костре Дж. Бруно. В 1626 г. парижский парламент наложил запрет на учение Эпикура, угрожая его приверженцам смертной казнью. Книга Дж. Толанда «Христианство без тайн» (1696 г.) вызвала ярость духовенства и была предана сожжению, сам Толанд бежал. Сожжена по приговору парижского парламента книга В.К. Гольбаха «Система природы» (1770 г.).

Выводы и перспективы дальнейших научных изысканий. Нет единодушного благоволения к философии и в наши дни. В настоящее время можно констатировать амбивалентное отношение социума к философии в целом и к прикладным ее видам. В октябре 2005 г. на 33 сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО третий четверг ноября был провозглашен Всемирным днем философии. Этому непосредственно способствовало принятие важнейшего документа – «Стратегия ЮНЕСКО в области философии». В нем отмечалась особая роль философии в деле развития критической и независимой мысли, а также в достижении взаимопонимания между народами, утверждении терпимости и мира. Всемирный день философии отмечается более чем в 80 странах. По словам Генерального директора ЮНЕСКО Койчиро Матсууры, смысл празднования ВДФ состоит в том, чтобы «приобщить людей к философскому наследию, открыть сферу обыденного мышления для новых идей и стимулировать публичные дебаты мыслителей и гражданского общества по поводу вызовов, встающих перед социумом сегодня». Цель ВДФ – привлечь внимание общественности, и особенно правящих политических элит к необходимости усиления гуманитарной компоненты (представленной, прежде всего, философией) в образовании, научных исследованиях, в культуре в целом. Философия, пишет В.А. Лекторский, всегда была и есть высшей формой авторефлексии культуры, анализом ее предельных оснований. Этот анализ всегда сопровождался рекомендациями по изменению эмпирического состояния. С одной стороны, это была критика существующего в познании, в моральной жизни, в политическом и социальном устройстве. С другой стороны, это было создание идеала знания, моральной жизни, политического устройства. В свете идеала и на основе предписываемых норм проектировались новые культурные формы [1, с. 141].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лекторский В.А. Зачем нужно сегодня философия / В.А. Лекторский // Вопросы философии. – 2017. – №7. – С. 140–143.
2. Липский Б.И. Курс философии как урок свободы / Б.И. Липский // Философские науки. – 2009. – №8. – С. 45–54.
3. Лук'янець В. С. Філософський постмодерн: Навч. посібник / В.С. Лук'янець, О.М. Соболев. – К.: Абрис, 1998. – 352 с.

4. Никифоров А.Л. Философия как личный опыт / А.Л. Никифоров // Заблуждающийся разум?: Многообразие вненаучного знания. – М.: Политиздат, 1990. – С. 296–327.
5. Соколов Э.В. Ортега-и-Гассет. Век элитарного искусства и массового общества / Э.В. Соколов // Человек. – 2002. – №6. – С. 78–95.
6. Столович Л.Н. О «системном плюрализме» в философии / Л.Н. Столович // Вопросы философии. – 2000. – №9. – С. 46–56.
7. Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст. – М.: Традиция, 1997. – 288 с.
8. Шердаков В.Н. Смысл жизни как философско-этическая проблема / В.Н. Шердаков // Философские науки. – 1985. – №2. – С. 45.
9. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости / А. Шопенгауэр. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 256 с.

REFERENCES

1. Lektorskiy V.A. Zachem nuzhno segodnya filosofiya / V.A. Lektorskiy // Voprosy filosofii. – 2017. – №7. – S. 140–143.
2. Lipskiy B.I. Kurs filosofii kak urok svobody / B.I. Lipskiy // Filosofskiye nauki. – 2009. – №8. – S. 45–54.
3. Luk'yanets' V. S. Filososfs'kiy postmodern: Navch. posíbnik / V.S. Luk'yanets', O.M. Sobol'. – K.: Abris, 1998. – 352 s.
4. Nikiforov A.L. Filosofiya kak lichnyy opyt / A.L. Nikiforov // Zabluzhdayushchiysya razum?: Mnogoobraziye vnenauchnogo znaniya. – M.: Politizdat, 1990. – S. 296–327.
5. Sokolov E.V. Ortega-i-Gasset. Vek elitarnogo iskusstva i massovogo obshchestva / E.V. Sokolov // Chelovek. – 2002. – №6. – S. 78–95.
6. Stolovich L.N. O «sistemnom plyuralizme» v filosofii / L.N. Stolovich // Voprosy filosofii. – 2000. – №9. – S. 46–56.
7. Filosofskiy pragmatizm Richarda Rorti i rossiyskiy kontekst. – M.: Traditsiya, 1997. – 288 s.
8. Sherdakov V.N. Smysl zhizni kak filosofsko-eticheskaya problema / V.N. Sherdakov // Filosofskiye nauki. – 1985. – №2. – S. 45.
9. Shopengauer A. Aforizmy zhiteyskoy mudrosti / A. Shopengauer. – SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2013. – 256 s.

РЕЗЮМЕ

Кóсяк В.А. Про «філософію для дітей» і дорослих.

Висловлюється сумнів щодо цільності культивування «критичного мислення» у дітей засобами філософії та тотальної їхньої здібності до філософської рефлексії, якої часто не вистачає й «Das Man» – «середній

людині». Показується, що філософія як мистецтво пізнання – це прерогатива «схільних до теорії», до «вільної думки», за що вони спорадично переслідувалися владою світською і церковною. Обґрунтовується положення про те, що філософ і художник генерують оцінне і особистісне ставлення до світу, що філософія наближується до мистецтва, що філософська творчість, як і художня творчість, це завжди висловлювання особистісне.

Ключові слова: «філософія для дітей», критичне мислення, «середня людина», «схильні до теорії», «вільна думка», філософ, художник, творчість.

SUMMARY

Kosyak V.A. About "philosophy for children" and adults.

There are doubts about the integrity of the cultivation of "critical thinking" in children by means of philosophy and their total ability to philosophical reflection, which is often lacking and "Das Man" – "the average person." It is shown that philosophy as an art of cognition is the prerogative of "haphazard to the theory", to "free thought", for which they were sporadically persecuted by the secular and ecclesiastical authorities. The argument is that the philosopher and the artist generate an appreciable and personal attitude towards the world that philosophy is approaching art, that philosophical creativity, as well as artistic creativity, is always a personal statement.

Key words: "philosophy for children", critical thinking, "average person", "subject to theory", "free thought", philosopher, artist, creativity.

УДК 747.012

Ю.В. Одробінський, В.В. Атланов

Миколаївська філія Київського національного
університету культури і мистецтв

ВЗАЄМОДІЯ ДИЗАЙНУ І СУЧАСНОГО АРТ-ПРОСТОРУ

Розглянуті позиції дизайну в сучасному арт-просторі України. Виявлена сутність креативного середовища. Проаналізований стан розвитку сучасного арт-простору в Україні. Наведені приклади використання дизайну в створенні креативного середовища. Доведено, що дизайн арт-об'єктів поступово виробив свою специфічну образно-естетичну мову. Досліджені основні ідеї об'ємно-планувального вирішення арт-простору та його компонентів. Висловлене припущення, що специфічною рисою пострадянської доби є організація арт-просторів у залишених приміщеннях колишніх фабрик і заводів. Охарактеризований дизайн обраних арт-середовищ Києва.

Виявлено, що сучасний дизайн характеризується інноваційною, авангардно-експериментальною спрямованістю, яка охоплює різні напрями